

ББК 63.3(2)522

*Е. М. Гостюшева***Источники формирования основных социальных групп
Колывано-Воскресенского горного округа (по материалам
народнической публицистики)***E. M. Gostyusheva***Sources to Form Main Social Groups in the
Kolyvano-Voskresensky Mining District
(Based on Populist Journalism)**

Исследуется один из самых развитых и перспективных сегментов научного прорыва отечественных исследователей во второй половине XIX — начале XX в. — изучение многообразной жизни народа во всех ее проявлениях. Главный метод народнической историографии — выявление общественно значимых проблем как бы «снизу» — был наиболее последовательно апробирован ею на региональном уровне, в рамках отдельной территории, а именно Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа.

Ключевые слова: народническая публицистика, мастеровые и приписные крестьяне, Колывано-Воскресенский горный округ.

Изучение истории формирования и социальный анализ положения основных социальных групп зависимого населения Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа занимало одно из центральных мест в научно-исследовательской работе представителей народнического направления. Освещая социальную историю Алтая, В. И. Семевский, Н. М. Зобнин, И. И. Тыжнов пытались проследить динамику, эволюцию формирования и дифференциацию горнозаводского населения с момента основания в округе производства первых промышленных предприятий и вплоть до современного им (порезформенного) времени.

В. И. Семевский еще студентом стал заниматься изучением социальной истории. Русскому крестьянству он посвятил большинство своих печатных трудов. Так, уже в 1881 г. был опубликован первый том монографии «Крестьяне при Екатерине II». Работа «Рабочие на сибирских золотых промыслах» ставила своей целью освещение производственного и домашнего быта рабочих на частных сибирских золотых промыслах. Собирая материалы для своего исследования, В. И. Семевский проехал в 1891 г. через всю Сибирь, обследовал архивы Томского и Иркутского горных правлений, главного управления Алтайского горного округа в Барнауле, изучил архивы действовавших золотопромышленных компаний. Он исполь-

One of the most advanced and promising segments of the scientific breakthrough realized by local researchers in the second half of the XIX — early XX centuries was to investigate the varied life of people in all its manifestations which was the main subject of the study on democratic direction. The main method of the Populist historiography is to study socially significant problems, as if to watch them «from the bottom». The method was consistently tested at the regional level on the separate territory, namely Kolyvano-Voskresensky (Altai) Mining District.

Key words: Populist journalism, artisan and attached peasants, Kolyvano-Voskresensky Mining District.

зовал также материалы архивов Государственного совета, Комитета министров, Министерства земледелия и государственных имуществ и Горного департамента. Можно без преувеличения утверждать, что для своих исследований В. И. Семевский привлек огромное количество самых разнообразных архивных документов. Один из его биографов заметил, что едва ли можно найти в России другого такого историка, который, как В. И. Семевский, успел бы в течение жизни изучить столько архивных материалов [1, с. 55].

Особое место в изучении проблем горнозаводского населения и приписных крестьян принадлежит Н. М. Зобнину. Значимость его работ высоко оценивается многими исследователями. По определению Р. Г. Круссера, «труды Зобнина были первыми и по существу единственным в дореволюционной историографии исследованием приписного крестьянства и рабочих людей Алтая» [2, с. 19]. В соответствующих разделах второго тома монографии «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II» В. И. Семевским широко использовались оценочные данные Н. М. Зобнина. В другой его монографии («Рабочие на сибирских золотых промыслах») также привлекался фактический материал всех трех основных работ алтайского исследователя. По вопросу о характере научного сотрудничества В. И. Семевского и Н. М. Зобнина среди современных авторов нет еди-

ного мнения. Некоторые исследователи полагают, что в научной деятельности Н. М. Зобнина значительную роль сыграл В. И. Семевский [3, с. 613; 4, с. 319]. Именно под его влиянием, как считают Л. М. Горюшкин, Н. А. Миненко, М. Б. Шейнфельд, углубился интерес ссыльного народника к истории мастеровых и приписных крестьян. Однако, по мнению З. Г. Карпенко, следует говорить не об одностороннем воздействии, а о взаимовлиянии и сотрудничестве двух историков, связанных идеологической общностью взглядов и единством проблематики исследования. Конечно, было бы очевидным упрощением отводить Н. М. Зобнину только пассивную роль сотрудника и помощника, хотя он снимал для В. И. Семевского копии с документов Барнаульского архива и предоставлял ему собственные материалы, извлеченные из дел Салаирской горной конторы. Общая социологическая характеристика статуса приписных крестьян у обоих историков полностью совпадает. Скорее всего, имела место двухсторонняя научная связь между двумя исследователями-народниками в изучении социальной истории горнозаводского населения Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа.

Большое внимание в своих работах процессу формирования основных социальных групп зависимого населения Алтая уделял ссыльный народник И. И. Тыжнов. Он первым обратил внимание на связь практики законодательного оформления статуса групп зависимого населения с потребностями горнозаводского производства. В статье «Из истории горнозаводского населения на Алтае» он выделил основные этапы формирования социальных групп горнозаводских рабочих. Критерием для такой градации послужили действовавшие законодательные акты правительства (Положение о мастеровых 1828 г., Горный устав 1842 г. и др.), являвшиеся, по его мнению, определенным рубежом в регламентации прав и прежде всего обязанностей алтайских горнозаводских рабочих, когда законодательная практика фиксировала уже устоявшиеся порядки организации труда на кабинетских предприятиях.

Изучая хронологию и социальные источники формирования контингента горнозаводских рабочих на Алтае, исследователи-народники единодушно связывали появление первых мастеровых на Колывано-Воскресенских заводах с деятельностью А. Н. Демидова. Основной проблемой на протяжении всей истории горнозаводской промышленности Алтая являлась проблема поиска внутренних источников бесперебойного рекрутирования рабочей силы на предприятия. Поэтому с 1740 г. местная администрация начинает приписку местного крестьянского населения к заводам. Эта практика еще более распространяется во время перехода заводов в собственность Его Императорского Величества, и к 1761 г. уже все население Алтая (около 40008 д.м.п.) было приписа-

но к заводам. С этого времени пополнение рабочей силы шло только за счет естественного прироста [5, с. 392–393].

В первые десятилетия внутри горнозаводского населения никакой дифференциации не наблюдалось, что давало горному начальству возможность пользоваться полной свободой при распределении всех жителей Колывано-Воскресенского горного округа на горнозаводские работы, т. е. при формировании группы горнозаводских и рудных рабочих местная власть пошла по пути наименьшего сопротивления. Поэтому для работы на заводах и рудниках первоначально активно привлекались в том числе солдаты (прямая функция которых в рассматриваемый период потеряла свое значение) и ссыльные уголовные преступники. По официальным источникам, солдаты находились на рудниках с 1747 г., а к 1748 г. их численность составляла 1210 чел. [6, с. 11]. Элемент уголовных преступников на заводах был незначителен. Впоследствии Кабинет отказался от их использования, так как организация труда преступников требовала дополнительных затрат со стороны горнозаводской администрации и не оправдывала себя, что привело к ликвидации данной категории горнозаводских рабочих.

Проект Олсуфьева, по мнению народников, стал «эпохой» в формировании двух отдельных групп горнозаводского населения: мастеровых и приписных крестьян, отличавшихся друг от друга и в социально-экономическом, и в правовом отношении. Именно проект установил юридическую грань между начавшейся к тому времени оформляться внутри группы приписных крестьян еще одной — мастеровые Колывано-Воскресенского горного округа. Мастеровые по этому указу освобождались от общегосударственных податей и повинностей. Они были подчинены военной дисциплине, из них составляли военные команды под начальством горных офицеров, тем самым они приравнивались к лицам, состоящим на военной службе. За все совершенные ими административные проступки и уголовные преступления мастеровые и нижние чины, состоящие на заводской службе, наказывались военным судом. Это не случайно, так как военизированная система управления на территории Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа, по мнению исследователей-народников, обеспечивала Кабинету Е. И. В. высокие доходы исключительно посредством жесточайшей эксплуатации. Заводы в результате реализации этого законопроекта получили постоянную рабочую силу.

Но проблема горнозаводских кадров, как и прежде, оставалась не решенной, так как расширение производства, тяжелый труд, плохие условия жизни, низкая рождаемость обусловили нехватку рабочей силы.

Вся история формирования основных социальных групп зависимого населения Алтая, по мнению на-

родников, сопровождалась непрерывным ростом крепостнической зависимости. Манифест Екатерины II 1779 г. возлагал исключительно на мастеровых все принудительные работы в рудниках и на угольных кузницах. Они утратили всякую видимость личной свободы: в 1790 г. им были запрещены браки без ведома и разрешения начальства, все потомки мастеровых обрекались на заводскую работу самим фактом своего происхождения, с 7-летнего возраста сыновья мастеровых зачислялись на службу и выполняли тяжелую работу и т. п.

Изучив положение мастеровых, Н. М. Зобнин обращал внимание на особо тяжелую работу у заводских плавильных печей, в рудниках и на золотых приисках. На рабочих местах мастеровые страдали «от невыносимого жара печей и от блеска расплавленного металла... Еще более вредное влияние оказывал на рабочих ядовитый серно-сурьмистый дым печей при расплавке необожженных рудных куч... Казарменная жизнь, холод и постоянный дым во время зимних работ (замерзшую землю необходимо было оттаивать костром), затем работа по колено в воде в дождливое время года, наконец, плохая пища — все это вызывало громадную заболеваемость и смертность преимущественно от цинги и ревматизма». Число больных в начале 50-х гг. XIX в., по подсчетам В. И. Семевского, во время зимних работ доходило до 17% и более (в летние месяцы заболеваемость была в 3–4 раза ниже) [7, с. 279].

Первое время после появления на Кольвано-Воскресенских предприятиях группы мастеровых сроки их службы не были установлены. В своих законодательных актах администрация сознательно обходила этот вопрос, он оставался открытым вплоть до начала XIX в. Производственные интересы требовали непрерывности в работе, до конечной потери работоспособности. Продолжительность горнозаводской службы определялась исключительно способностью работника к труду: мастеровой находился на действительной службе пока мог работать. Лишь естественное «старение» рабочей силы заставило установить сроки службы. В 1849 г. они составили 35 лет, а 1852 г. — 25 лет.

Расходы на горнозаводских мастеровых были значительно ниже содержания того же вольнонаемного рабочего на частных промыслах. Именно за счет сверхэксплуатации труда зависимого населения Кабинет Е. И. В. получал огромную прибыль. Среднее содержание мастерового на золотых промыслах обходилось ведомству в 6 руб. 81 коп. По сравнению с частными золотыми промыслами, где «вольные работники, большей частью из ссыльных, получали средним в месяц в 4 раза больше» [7, с. 275]. Но как бы ни был дешев крепостной принудительный труд, считали исследователи-народники, он не был выгоднее вольнонаемного труда, использовавшегося на сибирских частных предприятиях. Для поддержания высокой до-

ходности горнозаводских крепостнических предприятий приказчики и представители заводской администрации традиционно прибегали к силовым методам воздействия: розги, шпицрутены, кнут, принудительное содержание в тюрьмах, исправительных казармах составляли основной арсенал средств администрации округа для исправления «нерадивых», «недобросовестных» и «строптивных» работников.

Для оказания «воспитательного» воздействия на всю массу горнозаводских рабочих исполнение приговора суда происходило чаще всего публично. При этом поистине ужасающем зрелище, когда не только кровь лилась рекой, но и «летели клочья мяса», присутствовали подростки, обучавшиеся в заводских школах. Именно такие жестокие порядки вызывали нескончаемые побег мастеровых, которые носили массовый характер. Бегали целыми «партиями» до 10 чел., несмотря на угрожающие за то суровые наказания. Анализ выявленных архивных материалов привел исследователей-народников к выводу о том, что официальная каторга являлась даже относительно более гуманной мерой наказания, чем принудительные работы на императорских заводах. Поэтому нередко возмущенные мастеровые решались на убийство (или покушение на убийство) своих начальников. Примечательно, что из тех же 1120 дел 20 было о «ложном показании на себя убийства». За такое преступление мастеровые по суду ссылались на каторгу, в Нерчинск. Приводя данные факты, В. И. Семевский, Н. М. Зобнин стремились показать, насколько государственная каторга была легче барщинной работы на Кольвано-Воскресенских заводах: такое сравнение ярче всего характеризовало эпоху крепостничества на Алтае.

Заводское население горного округа не было однородным. Определенное усложнение технологии горного производства приводило к выделению внутри основных социальных групп более мелких подгрупп, предназначенных для исполнения различного рода работ. Внутри категории горнозаводских работников Н. М. Зобнин выделил еще четыре категории: собственно горнозаводских мастеровых, ремесленников, прислугу и подростков. Ремесленники использовались на вспомогательных заводских работах. Прислуга и денщики горных офицеров представляли собой нечто вроде дворовых людей, хотя и набирались из тех же горнозаводских людей. Четвертую группу горнозаводских рабочих составляли подростки. По положению 1828 г., все дети мастеровых, рабочих и низших чинов принадлежали «заводскому ведомству», т. е. находились в полной зависимости от кабинетского начальства, которое и направляло их по своему усмотрению на разные работы. И. И. Тыжнов именовал этот разряд рабочих «малолетками» или «малолетами».

Вторую основную группу зависимого населения в Кольвано-Воскресенском (Алтайском) горном округе составляли приписные крестьяне. Источником

формирования группы приписных крестьян являлись не только крестьяне близлежащих селений, но также «купцы, посадские и цеховые». Пытаясь четче классифицировать данную категорию зависимого населения Российской империи, В. И. Семевский отметил ее промежуточное положение между «оседлыми военнослужащими» и посессионными крестьянами. От «оседлых военнослужащих» они отличались тем, что были вынуждены заниматься не столько земледелием, сколько «горным делом». С другой стороны, в их положении есть известные черты сходства с посессионными мастерами Уральских горных заводов [7, с. 265].

Функциональные обязанности приписных крестьян совпадали полностью с обязанностями их собратьев на уральских заводах, т. е. все вспомогательные для горного дела работы. Заводские повинности очень сильно подрывали хозяйство приписного населения округа, так же, как и в уральских губерниях Европейской России. Администрация не принимала во внимание удобное для крестьянина время и вызывала их на работу в необходимое для производственных нужд, несмотря на все указы из Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства. Такой график отработки повинностей не позволял приписному населению содержать в достатке свое собственное хозяйство. По свидетельству И. И. Тыжнова, до появления Манифеста 1779 г. приписные крестьяне выполняли работы, обычно исполнявшиеся мастерами: гнали смолу, разламывали камень, обжигали известь и т. п. Однако сам факт официального разделения населения Колывано-Воскресенского горного округа на две социальные группы не исключал непосредственного участия в горнозаводском производстве приписного населения округа. Приписные крестьяне выполняли как заводские, так и рудничные работы. Согласно манифесту приписные могли быть привлечены только к рубке дров, разлому куч и перевозке угля на заводы из куреней; обжиганию флюсов; перевозу с рудников готовой руды; починке плотин (положением 1828 г. к этому перечню была добавлена еще и опалка заводских дров [5, с. 407]. Кроме того, четко регламентировалось время, когда можно было принуждать приписных крестьян к выходу на работу.

Исследователи-народники отмечали, что и Манифест 1779 г., юридически разграничивающий круг обязанностей рабочего населения Колывано-Воскресенского горного округа, по сути ничего не изменил на практике (несмотря на предусмотренную в нем ответственность горного начальства за нарушения прав приписных крестьян). Выполнение перечисленных выше заводских работ, впрочем, не освобождало крестьян от несения государственной и мирской повинностей. Кроме того, приписное население являлось источником пополнения разряда горнозаводских работников, так как рекрутская повинность ими отрабатывалась на заводах и рудниках.

Исследователи-народники, следуя своей идеологии, в публикациях обращали внимание общественности на злоупотребления горнозаводской администрации. В. И. Семевский отмечал, что алтайскими чиновниками для увеличения выплавки золота и серебра систематически использовался труд детей приписных крестьян в возрасте от 10 до 15 лет [8, с. 536]. Злоупотребления проявлялись не только в этом. Предписание Колывано-Воскресенской горной экспедиции 1785 г. запрещало накладывать более 3 «душ» работы на человека, тем не менее «на богатых клали более трех “душ” работы» [8, с. 538]. За не явившихся на работу, так называемых нетчиков, должны были по круговой поруке исполнять работу те сотни и десятки, в которых они состояли [8, с. 539]. Высокая степень эксплуатации приписного населения округа давала все основания исследователям сравнивать положение приписных крестьян со статусом рабов. Как отмечал В. И. Семевский, «надзор за крестьянами требовал большого числа «приставников», обязанных смотреть, чтобы крестьяне не ленились и работали исправно» [8, с. 536]. Во время отработки заводской повинности в деревнях на хозяйстве оставались одни женщины, дряхлые старики и ребята. Горнозаводская администрация очень эффективно использовала выработанный временем внутриобщинную жизнь русского крестьянина в своих целях — прежде всего круговую поруку, устанавливая определенный объем работ, который необходимо было выполнить, а община уже сама раскладывала его на годных работников. Тщательно изучив раскладочные росписи за 1770–1850 гг., Н. М. Зобнин сделал вывод, что обычно за основу при распределении работ общиной принимались во внимание наличные годные работники. Не включались в расклад лица, не записанные в ревизию. Также учитывался возраст работника (старше 15 лет и младше 60). Лица, выполнявшие общественные должности, освобождались от расклада. При распределении нагрузки большое внимание обращали на состоятельность крестьянского хозяйства. Особое внимание мир уделял семьям, пострадавшим от пожара или неурожая [5, с. 411].

Уже на начальном этапе существования кабинетского хозяйства на Алтае горнозаводские власти столкнулись со сложной проблемой снабжения мастеровых и служащих провиантом. Заготовка и поставка на заводы провианта на протяжении второй половины XVIII — первой половины XIX в. стали тяжелым дополнительным бременем для приписного населения округа. Власти стремились обеспечить бесперебойное поступление хлеба на заводы и рудники Алтая, закупая хлеб по как можно более низким ценам у местного населения с тем, чтобы свести к минимуму расходы на содержание мастеровых и служащих. Пытаясь решить продовольственную проблему, администрация прибегала к различным методам. Так,

горнозаводское начальство порой принудительно «сажало на землю» неспособных к земледелию людей, обязывало горнозаводских рабочих заниматься хлебопашеством и т. п. И. И. Тыжнов писал: «...на всем протяжении XVIII в. в военных пограничных линиях администрация пыталась в течение целых десятилетий садить на пашни не только государственных крестьян, находившихся в его ведении, но и казаков, солдат, строевых чинов линейных батальонов, не говоря уже о колодниках» [6, с. 33]. Характерным моментом решения проблемы провианта в начале XIX в. являлось ведение собственного хозяйства горнозаводскими рабочими, но, вместе с тем, И. И. Тыжнов привел ряд примеров, когда Томской казенной палатой велено было ограничить сельское хозяйство чернорабочих людей путем урезки сельскохозяйственных угодий, боясь увлечения рабочих сельским хозяйством в ущерб казенным работам [6, с. 23]. Проблему бесперебойного обеспечения провиантом местного горнозаводского населения официальные источники видели в демографической незаселенности данного региона, недостаточно интенсивном развитии земледелия в прилегающей к заводам сельской округе. Не соглашаясь с данным мнением, И. И. Тыжнов отмечал, что «причина недостатка хлеба заключалась вовсе не в недостатке людей, она заключалась в дурной, примитивной организации местного управления и в отсутствии путей сообщения» [6, с. 32]. Население было обременено разного рода повинностями до такой степени, что все силы уходило на их отбывание. «Общий взгляд В. И. Семевского на положение сибирских крестьян сводится к тому, что, несмотря на благоприятный природный фактор — обилие земли, тяжесть натуральных повинностей и обязательный труд значительно снимали или сводили на нет выгоды сибирского многоземелья» [9, с. 286]. Поэтому на всем протяжении рассматриваемого периода горнозаводская администрация в хлебозаготовительной политике прибегала к противоречащим друг другу принудительным, а не рыночным методам, что крайне отрицательно сказывалось на хозяйственном достатке местного зависимого населения.

Анализируя в целом научно-исследовательскую деятельность народников по обозначенной проблеме, следует отметить, что в своих трудах они рассматривали определенный, заданный круг социальных проблем Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа: источники формирования, уровень жизни, медицинское обслуживание зависимого населения округа, система образования и др. Основной акцент они делали на правовое решение этих проблем во времени и отмечали, что законодательное регулирование социальных проблем региона значительно отставало от практики и закрепляло уже сложившиеся на горнозаводских предприятиях Колывано-Воскресенского горного округа трудовые отношения. Основное вни-

мание при оформлении основных производственных групп населения горнозаводской администрацией уделялось интересам производственной необходимости.

Складывание основных групп заводского населения Колывано-Воскресенского горного округа шло параллельно с развитием самого производства. Одна группа непосредственно являлась производительной единицей, другая же — источником пополнения группы производителей. Это внешний источник пополнения группы мастеровых. Внутренним источником являлся наследственный переход социального статуса от родителей к детям. Дети мастеровых (с семи лет, а с 1849 г. — с восьми лет), «благодаря» своему происхождению, автоматически пополняли ряды горнозаводских рабочих. В свою очередь, горнозаводские крепостные выделяли из своих рядов категорию лиц низшей заводской и рудничной администрации.

И. И. Тыжнов, пытаясь определить степень свободы у двух основных групп зависимого населения, отмечал, что «более строгую регламентацию и наибольшее стеснение свободы, доходившее до лишения ее, получила та группа, которая стояла у самого заводского дела, испытывая всю тяжесть его, и сравнительно менее страдала та группа, которая стояла дальше от заводов, участвуя лишь во вспомогательных заводских работах» [6, с. 2]. На всем протяжении существования горнозаводского производства сохранялись тяжелый труд, плохие условия жизни, недостатки в медицинской службе, весь военно-крепостнический режим обусловили высокую смертность, раннюю утрату трудоспособности и низкую рождаемость зависимого населения округа. Естественный прирост не восполнял потери рабочей силы и не создавал возможностей для роста численности кадров. Хотя, по подсчетам современных исследователей, естественный прирост населения Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа в кабинетскую эпоху очевиден. По данным С. С. Лукичева, в 1797 г. численность приписных крестьян составляла 391114 рев. душ, в 1807 г. — 63355; в 1817 г. — 86955; 1827 г. — 87007; 1837 г. — 112263 рев. души, в 1847 г. — 112264; 1861 г. — 145612 рев. душ.

Оценивая объективно содержание исследований народников по социальной истории Колывано-Воскресенского горного округа, следует отметить, что их нельзя рассматривать в отрыве от особенностей идеологии и методологии, позволяющих дать научное освещение лишь отдельным сторонам общественного развития и под определенным углом видения проблем. Конечно, следуя собственным идейным постулатам, народники не совсем адекватно, с негативистским перефразом оценивали социальные проблемы Колывано-Воскресенского горного округа.

Между тем, народническая историография внесла большой и не утративший своего значения вклад в исследование народного быта, ими были выявлены спе-

цифические черты мастеровых и приписных крестьян алтайских заводов, по инициативе народников с целью наиболее углубленного изучения истории Алтая были предприняты статистические исследования.

Работы историков-народников широко использовались ранее и используются современными исследователями, профессиональными историками. Многочисленные локальные исследования народни-

ков подготовили обновленную, гораздо более совершенную базу для обобщений на национальном уровне. В целом они ввели в научный оборот большое количество новых данных, извлеченных из местных архивов и собранных собственноручно, способствовали созданию базы для обоснованного решения социальных проблем, о существовании которых власть пыталась умолчать.

Библиографический список

1. Корнилов А. Значение трудов В. И. Семевского в русской историографии // Журнал Министерства народного просвещения. — 1917. — Янв.
2. Круссер Р. Г. Западносибирская деревня и крестьянские переселения в исследованиях политических ссыльных 70–80-х гг. 19 в. // Из истории рабочего класса в Кузбассе (1917–1971). — Вып. 5. — Кемерово, 1974.
3. Горюшкин Л. М., Миненко Н. А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI — начало XX в.). — Новосибирск, 1984.
4. Шейнфельд М. Б. Историография Сибири (конец XIX — начало XX вв.): учебное пособие. — Красноярск, 1973.
5. Зобнин Н. М. Приписные крестьяне на Алтае // Алтай: Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа / под ред. П. А. Голубева. — Томск, 1890.
6. Тъжнов И. Из истории горнозаводского населения Алтая // Алтайский сборник. — Барнаул, 1907. — Т. 6.
7. Семевский В. И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. — СПб., 1989. — Т. 1.
8. Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. — СПб., — 1881. Т. 1–2.
9. Мирзоев В. Г. Историография Сибири (Домарксистский период). — М., 1970.